

The development of the possible worlds theory and its application to the literature works allowed to regard this question from another point: fictional worlds considered to be a subset of the possible worlds, so the question of truthfulness was posed in relation to the artistic fiction propositions. In the given work the attempt is made to systematize the positions of different scientific approaches – narratology, possible worlds theory and speech acts theory – in relation to the artistic text propositions. In the article the common field of possible worlds theory and narratology is designated as a study of fictional worlds phenomenon. Here the different positions are presented on the speech acts specifics inside the fiction as well as in relation to it, and also the attempt was made to define the cause of credibility to the fictional world of the artistic work from the side of recipients.

Key words: possible worlds, fictional worlds, speech acts theory, philosophical anthropology.

Поступила 30 октября 2018 г.

УДК 94(4)(075.8)

И. Р. ЧИКАЛОВА
**АНГЛИЙСКИЙ ГОРОД В ЭПОХУ
ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка /
Институт истории, Национальная академия наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

Показано воздействие промышленной революции на социальные процессы, протекавшие в английском городском социуме. Реконструировать картину жизни английского города эпохи промышленной революции в его историко-антропологическом аспекте позволяют опубликованные результаты обследований жизни городского населения страны, а также эмпирический материал, имеющийся в научных трудах видных британских (Ч. Бут, Э. Говард, У. Джонстон, Дж. М. Тревелиян, С. Раунтри, Э. Хобсбаум), французских (П. Бризон, Ф. Бродель, Э. Галеви), немецких (Г. Ностиц, Ф. Энгельс), российских (И. М. Кулишер, П. Г. Мижув, Ф. А. Ротштейн, М. Соболев, К. Скальковский, А. В. Соколов и др.) историков и социологов.

Под влиянием промышленной революции в Англии росло городское население, менялась его структура за счет увеличения числа рабочих. Последние в силу происхождения, отраслевой принадлежности, квалификации, производственных функций, уровня заработка образовывали сложную иерархию

рованную структуру, отдельные части которой находились в неодинаковом социальном положении. По мере разворачивания промышленной революции менялись условия их труда и быта, росла покупательная способность, улучшались качество питания и жилищные условия. Происходили кардинальные перемены в образе жизни разных слоев горожан, более разнообразным становился досуг. Путешествия, занятия спортом, посещение кинотеатров, музеев, концертов и театров стали доступными для многих из тех, кто раньше не мог об этом и помышлять. Блага культуры стали достоянием все большего количества людей. Перемены, происходившие под влиянием промышленной революции, открыли новые возможности для женщин. В то же время мигрировавшим в города сельским жителям приходилось ломать складывавшиеся веками традиции и стереотипы, приспосабливаться к иной среде обитания, непривычным условиям городского быта. Урбанизация сформировала тип горожанина, научившегося находить привлекательные черты в стиле жизни, отличавшейся от той, что была привычна человеку в деревне.

Ключевые слова: город, горожане, Англия, промышленная революция, историческая антропология.

Промышленная революция оказала огромное воздействие на социальные процессы, протекавшие в Европе в XIX – начале XX в. Быстро растущие производства и обслуживающий сектор в городах предоставляли множество новых рабочих мест, в результате чего внутренняя миграция (с 1880 по 1914 г. 60 млн европейцев переселились из деревень в города) и быстрый рост числа горожан стали практически повсеместно массовым явлением [29, с. 26]. В городах стала концентрироваться значительная часть населения: к 1910 г. в Англии в них проживало 75 % жителей страны [19, с. 209]. К концу XIX в. население Лондона достигло 4 млн 700 тыс. человек [10, с. 298].

Увеличивавшееся большими темпами городское население Англии пополнялось за счет внутреннего воспроизводства, разорившихся выходцев из средних слоев деревни, но в еще большем количестве за счет не нашедших своего места в сельском хозяйстве крестьянских детей. Город привлекал и тех, кто работу в нем считал более перспективной. По свидетельству специалиста по истории Великобритании Э. Галеви, наемный работник английского фермера зарабатывал почти одинаково с фабричным неквалифицированным рабочим. «Почему бы ему в таком случае не переехать в город? Несомненно, это значило рисковать,

как бы не оказаться нищим, но зато были и шансы получить крупный заработок, а, быть может, даже добиться в конце концов небольшого буржуазного достатка», – констатирует Э. Галеви [7, с. 265]. Решающее воздействие на рост городов оказало расширение фабричного производства. «Крупное промышленное предприятие требует совместного труда многих рабочих в одном помещении; эти рабочие должны жить поблизости: даже при небольшой фабрике образуют целый поселок. У них есть известные потребности, для удовлетворения которых нужны еще люди: ремесленники, портные, сапожники, пекари, каменщики, столяры селятся тут же. Население поселка, в особенности молодое поколение, приучается к работе на фабрике, свыкается с ней; когда первая фабрика уже не может, что вполне естественно, обеспечить работой всех желающих, заработная плата падает, и результатом является обоснование в данной местности новых фабрикантов. Так поселок превращается в городок, а городок в большой город» [31, с. 246–247]. Одним из таких городов стал Манчестер, превратившийся в крупнейший центр хлопчатобумажной промышленности. Его население в 1790 г. насчитывало всего 50 тыс. жителей, а к 1900 г. увеличилось в 10 раз [11, с. 352; 10, с. 298].

К концу XIX в. около 70 % населения в городах с более чем 100 тыс. жителей было занято в промышленности [28, с. 169]. Пока центры фабричного производства были относительно небольшими, эти люди могли сохранить хотя бы ограниченную связь с сельскими занятиями: если они были выходцами из близлежащей деревни, – помогать обрабатывать там огород, в случае потери работы наняться на ферму. Однако с ростом городов таких возможностей становилось все меньше. Как заметил Ф. Бродель, «жить в городе, лишиться традиционной поддержки огорода, молока, яиц, птицы, работать в огромных помещениях, терпеть малоприятный надзор мастеров, повиноваться, не быть более свободным в своих передвижениях, принять твердо установленные часы работы – все это в ближайшем будущем станет тяжелым испытанием» [4, с. 297]. «Если можно одним словом сформулировать, что определяло жизнь рабочего в XIX веке, – писал

британский историк Э. Хобсбаум, – этим словом будет “нестабильность”. Они никогда не знали в начале недели, сколько денег принесут домой в ее конце. Они не знали, как долго проработают на своем месте или, если потеряют его, сколько времени им потребуется на то, чтобы найти другую работу и на каких условиях. Они не знали, когда несчастный случай или болезнь лишат их трудоспособности и, осознавая, что когда-нибудь, возможно в сорок лет для неквалифицированных рабочих или в пятьдесят лет – для квалифицированных они будут не в состоянии вынести ту физическую нагрузку, которая необходима для продолжения работы на своем месте, они не представляли, что будут делать с этого страшного момента до конца жизни» [27, с. 308]. Особенно в бедственном положении находились рабочие, недавно покинувшие деревню и вынужденные от безвыходности соглашаться на любые условия заводского труда. Такое положение объясняется тем, что до вплоть до 1860–70-х годов доминировало убеждение, что рабочие должны зарабатывать как можно меньше, но при этом быть дисциплинированными и сохранять лояльность по отношению к работодателю.

В одном из описаний жизни рабочих в Манчестере, появившемся в 1851 г., отмечалось: «Рабочие, занятые на хлопчатобумажных фабриках, встают в 5 часов утра, работают на фабрике с 6 до 8 часов, потом... пьют жидкий чай или кофе с небольшим количеством хлеба <...> и вновь работают до 12 часов, когда дается часовой перерыв на обед, состоящий обычно из вареного картофеля у тех, кто получает низшую заработную плату. <...> Те, кто получает высшую заработную плату, присоединяют к этому мясо – по крайней мере, три раза в неделю. По окончании обеда они вновь работают на фабрике до 7 часов вечера или позже, затем вновь пьют чай, часто с примесью спирта и с небольшим количеством хлеба. А некоторые второй раз едят вечером картофель или овсянку. <...> А в мастерских они работают в течение 12 часов в день в расслабляющей, разгоряченной атмосфере, часто насыщенной пылью от хлопка, с нечистым воздухом от постоянного дыхания или от других причин, – будучи при этом заняты делом, поглощающим внимание и требующим

неослабной затраты физической энергии в соперничестве с математической точностью, беспрестанным движением и неистощимой силой машины» [цит. по: 9, с. 46].

Тяжелые условия работы и быта промышленных рабочих не нуждаются в комментариях, но следует оговориться, что не все рабочие жили подобным образом. Никогда городской рабочий класс не представлял собой гомогенную массу, наоборот, образовывал сложную иерархизированную структуру, отдельные части которой находились в неодинаковом социальном положении и оплачивались по-разному – в зависимости от вида и сложности работы. Когда после 1760 г. в Англии широко распространилось ручное механическое ткачество, заработная плата ткачей выросла настолько, что они заважничали, гуляли по улицам с тросточкой в руке и пятифунтовой денежной купюрой, демонстративно заткнутой за бант шляпы. В одежде ткачи стали подражать буржуа и не позволяли рабочим других профессий входить в залы таверн, где они собирались [32].

К самому элитарному слою занятых на производствах относились обладавшие инженерно-техническими знаниями и навыками специалисты. Дж. Тревелиян характеризует его следующими словами: «Люди, которые создавали и ремонтировали машины, шли в авангарде промышленного переворота и были его подлинными телохранителями. Они лучше оплачивались, чем их коллеги-рабочие, они в общем были более интеллигентны и взяли на себя руководство развитием технического образования. Они уважались своими хозяевами, которые должны были советоваться с ними и преклоняться перед их техническими познаниями. <...> Такими людьми труда были Стефенсоны из Тайнсайда; в происхождении человека, который изобрел локомотив после того, как он самостоятельно научился читать в возрасте семнадцати лет, не было ничего буржуазного» [26, с. 486].

Английский рабочий, если он был занят все 52 недели в году, на протяжении XVIII в. зарабатывал 15 фунтов 18 шиллингов [11, с. 383]. Промышленная революция увеличила его доход. Средняя годовая заработная плата рабочих в 1836 г. составила 19 фунтов и в 1886 г. – 41 фунт 13 шиллингов. Тенденция к росту

имела место во всех отраслях. Если индекс заработной платы 1860 г. принять за 100, то применительно к 1891 г. он находит выражение в следующих показателях: 150 – в горнорудном производстве, 126 – в машиностроении, 160 – в текстильной промышленности, 128 – в строительстве [18, с. 428, 429]. Заработная плата, начиная со ставок, которые обрекали рабочего на глубокую нищету, постепенно возрастала до уровня, обеспечивавшего более или менее достойный образ жизни, тем не менее отстававший от стоимости жизни. При этом женщины всегда получали меньше своих коллег-мужчин. В 1890 г., например, в Англии средний заработок мужчин-рабочих составлял 24 шиллингов 7 пенсов в неделю, женщин же – 12 шиллингов 8 пенсов [22, с. 92]. Подобная ситуация наблюдалась во всех профессиях. Так, в почтово-телеграфном ведомстве Англии женщины получали не более 65–70 фунтов стерлингов в год, тогда как жалование мужчин начиналось с 70 и достигало 200–300 фунтов стерлингов в год [22, с. 92].

Таким образом, заработная плата пролетариата постоянно и повсеместно увеличивалась, и речь должна идти о том, насколько она была достаточна, чтобы обеспечить потребности рабочего и его семьи. Известный исследователь положения рабочего класса Англии Г. Ностиц на основании подобного рода данных делает вывод: «Для современного нам рабочего населения избыточное питание мясом и приличное теплое платье уже не роскошь, выходящая за пределы разумных и основательных требований людей этого класса; это уже обычай для всех лучших рабочих. Даже мясная пища три раза в день не редкость теперь, в особенности для рудокопов и рабочих на железодельных заводах северной Англии» [18, с. 660]. Выводы Ностица подтверждает П. Бризон: «ныне трудящийся ест белый хлеб, пьет вино, кофе, потребляет сахар, курит табак, читает выписанную им газету, ездит на трамвае, более или менее часто посещает кабачок, ходит в театр, на публичные собрания, на прогулку. Короче сказать, ход жизни принес для рабочего новые потребности и сделал более утонченными те, которые существовали раньше» [3, с. 339].

Помимо того, на рубеже XIX/XX вв. мастера, механики и другие высококвалифицированные специалисты составили наиболее привилегированную фракцию в персонале промышленных предприятий – рабочую аристократию, отличавшуюся не только навыками искусного труда, приобретенными за многие годы ученичества и самостоятельной работы, но и более высоким уровнем заработка. Эта группа по своим доходам и менталитету, собственно, относилась уже к низшим слоям среднего класса. В отношениях с другими слоями пролетариата ту часть рабочей аристократии, которая была представлена мастерами, надсмотрщиками, десятниками, отличал ярко выраженный антагонизм, в том числе и потому, что преобладающая часть заработка этой категории складывалась из результатов надзирающей деятельности – премий за качество продукции, экономию топлива и зарплаты. Это приводило к постоянным конфликтам с остальными рабочими.

В Великобритании рабочую аристократию отождествляли с членами тред-юнионов. В политической терминологии того времени даже существовало два понятия: члены профсоюзов и рабочие. Первые отделяли себя от вторых. Слой рабочей аристократии на лондонских промышленных предприятиях насчитывал 13,6 % [18, с. 669]. Надо полагать, близкое к этой величине соотношение имело место и по всей Великобритании, указывают даже на 15–25 % от общего числа рабочего класса страны [20, с. 279]. Положение этих рабочих было сравнительно обеспеченным. По оценке одного из английских журналов, сделанной в 1910 г., они получали в неделю 45 шиллингов, жили в пятикомнатных квартирах или отдельных коттеджах со скромной, но удобной мебелью [25, с. 146]. Такой размер заработка позволял купить пианино, швейную машину, книги. В мировосприятии и ценностных ориентирах рабочей аристократии доминировали такие понятия, как обеспеченность, респектабельность, трудолюбие, семейное благополучие. В этой общественной группе гордились принадлежностью к своим профессиям, поддерживали культ высокопрофессионального труда. Английская рабочая аристократия стремилась ограничить проникновение в свой круг

малоквалифицированных рабочих. Этим же объясняется стремление вступать в брак с выходцами из своей среды.

Промышленная революция принесла еще одно важное новшество – применение газовых горелок позволило не связывать работу с естественным освещением. Более того, фабрики получили возможность организовывать труд рабочих в ночное время. На английских фабриках в 1820–40-х годов рабочий день за вычетом трех перерывов для приема пищи (1 час на обед и по 20–30 минут на завтрак и ужин) длился 12–13 часов. Распространенной становилась работа по воскресным дням. Рабочий день был одинаков для мужчин, женщин и детей. Отпуска никому не предоставлялись. Однако внедрение машин с течением времени заставило изменить отношение к проблеме рабочего времени. Поначалу рабочие соглашались на установленные предпринимателями требования в 12 часов работы в день и лишь со временем начали добиваться сокращения ее продолжительности до 10 и 8 часов.

Сосредоточение населения в городах – и преимущественно в больших – обострило к середине XIX в. жилищный вопрос. В уже упомянутом описании 1851 г. жизни рабочих в Манчестере отмечалось: «<...> население живет скученной массой в домах, отделенных узкими, немощеными, зараженными улицами, в атмосфере, пропитанной дымом и испарением большого мануфактурного города. <...> Домашним хозяйством рабочие пренебрегают, домашний уют им неизвестен..., помещения грязны, неуютные, непрветривающиеся, сырые» [9, с. 46]. «Ниже уровня почвы – в погребах, не имеющих вовсе стока» жило от 35 до 40 тысяч жителей Ливерпуля [9, с. 46]. Качество жилья в многоэтажных домах было невысоким, ощущалась нехватка квартир. В большинстве случаев жилища были перенаселены. По данным за 1893 г. в Англии и Уэльсе в переполненных квартирах жило более 11 % населения. Несмотря на это была распространена «сдача коек постояльцам», практиковавшаяся семьями, снимавшими частные квартиры, что помогало вынести бремя арендной платы. В Лондоне встречались объявления о сдаче части комнаты, причем мужчина, служивший днем, и девушка – прислугой

в гостинице ночью, должны были пользоваться одной постелью [18, с. 577]. И даже на рубеже веков условия жизни низов ужасали современников. Исследование Ч. Бута «Жизнь и труд населения Лондона» рисует страшную картину нищеты, в которой живет 30,7 % его населения [33, р. 20–21]. И другие исследования, в частности, проведенное С. Раунтри в Йорке [34], показывали, что проблема, описанная Бутом, характерна не только для столицы, но и для провинциальных городов.

Однако уже к концу XIX в. внешний вид промышленных городов, населенных преимущественно рабочими, резко изменился. Городские жители раньше других получили возможность пользоваться многими изделиями, которые являлись роскошью еще в 1830-х годах, но к концу XIX в. перешли в разряд обыденных. Усовершенствовались системы отопления и освещения, водопровода и канализации. Еще в 1778 г. механик Дж. Брамах изобрел ватерклозет, но его преимущества оценили лишь через полвека: в 1855 г. английское законодательство потребовало утилизировать отходы через канализацию. Газовое и керосиновое освещение постепенно уступало место электричеству. Рельсовый транспорт – сначала конки, а затем трамвай и метрополитен – облегчили внутригородские перемещения. Первую подземную дорогу длиной 3,6 км построили в Лондоне в 1863 г. Она была неглубокого залегания и обслуживалась паровозами. Переломным рубежом явился переход в 1890 г. лондонского метрополитена на электрическую тягу. Она быстро показала свои преимущества, и метростроение получило мощный стимул к широкому развитию. Городскую разобщенность помогал преодолеть появившийся еще в 1870-х годах телефон, который вскоре завоевал такую популярность, что к концу первого десятилетия XX в. емкость многих городских телефонных сетей исчислялась десятками тысяч абонентов.

Осознание важности решения жилищного вопроса как одной из основ социального мира побуждало городские власти к расширению муниципального строительства. Сносили трущобы. Улицы избавляли от грязи и лачуг, на их месте возводили большие каменные дома. Все большее количество жилищ концентри-

оставались в руках муниципалитетов, которые, в отличие от частных владельцев, лучше следили за их благоустройством.

В Великобритании в 1860–90-х годах приняли ряд законов, предусматривавших реконструкцию или снос непригодных для проживания домов. Домовладельцы саботировали их, но определенные сдвиги произошли. Муниципалитеты сносили старые кварталы и строили новые дома. Лондонское городское управление, в конце столетия «построило для рабочих семей несколько огромных домов», стало приобретать в собственность города участки земли и вести их застройку «небольшими домами-особняками для рабочих семей с обязательной разбивкой небольшого сада при каждом таком доме» [12, с. 25–26]. Однако эта работа продвигалась медленно: к 1908 г. было введено в строй домов только на 7880 квартир – ничтожное количество с учетом численности населения. Строительство велось и акционерными обществами; возведенные ими дома были более комфортны. Крупные города начали озеленять: в центре Лондона имелось три огромных парка, «по которым можно пройти несколько верст подряд» [12, с. 25].

Созданием более благоприятных жилищных условий для рабочих стали заниматься фабриканты. В Великобритании начало фабричному жилищному строительству положили владельцы фабрики по производству мыла – братья Леверы, которые в 1887 г. перенесли свое предприятие в окрестности Ливерпуля и построили «образцовую деревню “Порт Санлайт”» из домов коттеджного типа. Этому примеру последовали и другие промышленники [5, с. 87–88, 100]. Все они руководствовались не столько филантропическими побуждениями, сколько трезвым расчетом: лучшее жилье способствовало интенсификации труда, привязывало рабочих к фабрике, сдача домов внаем сама по себе приносила прибыль. Сами Леверы признавали, что отношение фирмы к рабочим следует назвать разумным, или «просвещенным эгоизмом». О его глубинных основах Левер говорил: «Нельзя вести успешно промышленное предприятие с рабочими невежественными, физически слабыми, как нельзя вести успешную войну с такими солдатами. Иначе говоря, даже одна только

забота о коммерческом успехе предприятия должна побуждать предпринимателей обеспечивать своим рабочим возможно лучшие жизненные условия» [12, с. 44].

Рабочие жилища зачастую отличались минимумом мебели и других предметов, набор которых обычно ограничивался кухонной утварью, матрасами, столом, несколькими стульями и иногда фамильным сундуком – символом уважения к семейным корням. Иногда здесь можно было встретить клетку для птиц: из домашних животных бедняки предпочитали именно их. На окне – кружевная занавеска фабричной выделки, а стену украшала цветная вырезка из еженедельного иллюстрированного журнала или семейная фотография. Стены приводили в соответствие со вкусами хозяйки, поэтому при переезде первым делом меняли обои. Как только рабочие могли оплатить квартиру больших размеров, детям выделяли отдельную комнату, а набитый соломой матрас заменяли деревянной кроватью. В популярной брошюре «Лондон» (1911) [23] ее автор А. В. Соколов отмечал: «Рабочая семья занимает обыкновенно целый дом, внизу кухня и столовая, в первом этаже и гостиная и спальня, в верхних этажах комнаты для квартирантов, спальня детей. Почти в каждой гостиной вы найдете пианино. <...> Мебель, обстановка квартиры – все это говорит вам о таких культурных привычках, которые вы встретите в России только в семьях зажиточных интеллигентов» [цит. по: 24, с. 350]. Вторит ему знаток англосаксонского мира П. Г. Мижуев, который в 1910 г. в «Вестнике Европы» опубликовал очерк «Как живут рабочие в Англии» [13], а в 1917 г. – брошюру с тем же названием: «Теперь, когда читатель видел, как живет более бедная часть рабочего класса в Англии, он присоединится, конечно, к нашему пожеланию, чтобы поскорее наступило время, когда у нас, в России, станет так жить хотя бы более обеспеченная часть рабочего люда» [14, с. 48].

После того как муниципальные власти начали благоустраивать города, определенную компенсацию за утрату преимуществ сельской жизни находили в улучшенном жилье. особенно коттеджного типа, присущего Англии. В начале XX ст.

городских домов на одну семью с палисадником и садом не только для зажиточных горожан, но и для рабочих. В ответ на бум городского строительства либеральная и социалистическая мысль была озабочена разработкой модели «идеального города». Теорию соединения преимуществ города и деревни разработал английский урбанист, экономист и социолог Э. Говард, изложив ее в своей книге «Завтра» (1898), вышедшей вторым изданием в 1903 г. под названием «Города-сады будущего». В ней автор представил свои теоретические положения по децентрализации населения в масштабе целых стран путем создания городов-спутников (садов) вокруг мегаполисов и по устройству самих городов-садов. В 1911 г. работа Говарда была переведена на русский язык со специальным предисловием автора, в котором он рассказывал о результатах, которых уже добился в реализации первого проекта – города Лечворт [8]. Говард еще при жизни реализовал несколько проектов таких городов. Движение «городов-садов» получило государственную поддержку и стало делом муниципальных властей Англии. В Англии появились первые города-сады и сады-предместья, которые очень сильно повлияли на образ жизни сотен тысяч людей. Движение за создание «городов-садов» распространилось в европейских странах.

Опыт создания таких поселений, в частности в Великобритании, имевших целью совместить удобства жизни в городе и в деревне, проанализировал в своей монографии «Сады-города и жилищный вопрос в Англии» П. Г. Мижуев [15]. Он приводит ряд примеров на этот счет. Владельцы шоколадной фабрики в Бирмингеме братья Кэдбери в 1879 г. перенесли производство за город, где построили фабричное здание и рабочий поселок Баурнвиль. В 1914 г. в нем было более 900 домов и свыше 4 тыс. жителей, в 1923 г. – 1213 домов и 5,5 тыс. жителей. Из них 87 % были рабочими, остальные – служили в конторах. В основу планировки были положены новые принципы градостроения: заводским зданиям и службам отвели не более 1/15 площади поселка; общественные скверы, площадки для игр (футбол, теннис, крикет) заняли 1/10 площади; по обеим сторонам улиц высадили деревья; дома не были выше двух этажей; каждый дом занимал не

более 1/4 земельного участка, остальные 3/4 отвели под сад и огород. Имелась начальная школа с детским садом, спортивный зал, здание для кружков и классов для взрослых. Вместе с тем Мижуев подчеркивает, что «Баурнвиль представляет собой отнюдь не типичное, а, напротив, нечто совершенно исключительное, даже в Англии» [15, с. 37]. Конечно, в Англии были и другие рабочие поселки, хотя и уступавшие Баурнвиллю, но также удобные для их обитателей.

Что касается тех, кто создавал рабочие места и тех, кого можно отнести к среднему классу, то они составляли менее значительную в количественном отношении, но заметную в культурном плане часть населения городов. Их жизнь имела свои отличительные черты. В то время как их сыновья покидали дом по достижении совершеннолетия или после окончания школы, дочери готовились к единственной возможной для них карьере – удачному замужеству, они, как и их матери, не планировали работу вне дома. Жизнь женщины ограничивалась домашней сферой. Однако и в частном пространстве дома и семьи «всем правит отец, муж, хозяин». В мире конкурентной борьбы, где, как писал один французский промышленник своей жене, «многие погибли в этой схватке, еще больше будет тяжело раненых», оплотом семьи, цитаделью, отделявшей ее от внешнего мира и укрывавшей домочадцев от превратностей жизни, представлялся дом [2; 27, с. 333]. Семью строили на принципах патриархальной автократии, личной зависимости. Сама организация внутреннего пространства дома подчеркивала это: в нем непременно имелся кабинет главы семьи, в который дети входили с трепетом, для мужчин предназначались бильярдная и комната для курения. В доме предусматривались библиотека (собрание книг было мужской заботой), гостиная, детская и спальные комнаты, столовая и отделенная от нее кухня.

В то же время со второй половины XIX в. все больше женщин из среднего класса начали задумываться о приложении сил вне семейного круга – и находили эту возможность сначала в общественной деятельности, а затем в освоении профессий, ранее считавшихся мужскими. Происходившие перемены в бытовой

сфере (промышленность поставляла предметы обихода, одежду в изобилии, лучшего качества и дешевле, чем это могло быть произведено в домашних условиях) предоставили им шанс, который они с успехом использовали. Ввиду этого сложились предпосылки к включению женщин в активную деятельность вне дома, и они начали притязать на профессиональную деятельность, которую монополизировали мужчины, привыкшие конкурировать друг с другом, но не со «слабым полом». Этому способствовал и демографический фактор: в структуре населения своих стран женщины преобладали. В Великобритании замужество для женщин зачастую становилось недостижимым из-за высокой мужской смертности и массовой эмиграции мужчин брачного возраста. И это обстоятельство, которое молодые женщины должны были учитывать при планировании собственной жизни, подталкивало их к мысли о необходимости создания материального базиса для независимого существования. Представление о том, что женщины, особенно незамужние, должны приобретать образование и профессию все больше начало проникать в общество, и их присутствие становилось все заметнее в сферах образования, здравоохранения, канцелярской работы и др. [30, с. 289–290].

Все более разнообразным становился досуг горожан. Постепенно заметное место в их жизни занял спорт. Поначалу он входил в моду у аристократов, затем становился развлечением среднего класса и в завершение приобретал популярность в массах. Уже в первой половине XIX в. начали культивировать борьбу: в Англии – вольную. Аристократы Англии занимались конным спортом, профессиональные конные скачки были излюбленным зрелищем людей самого различного социального положения. В 1876 г. в Лондоне открыли первый искусственный каток, а через 20 лет, в 1896 г., начались регулярные чемпионаты по фигурному катанию. В 1890-х годов Европу захлестнул велосипедный бум. Быстро развивались командные игровые виды спорта. В Англии повсеместно играли в крикет и крокет. В 1863 г. в Англии была создана первая футбольная ассоциация, в 1905 г. число входивших в нее клубов достигло 10 тыс. В конце XIX в. футбол

вышел за пределы Англии и получил распространение на континенте, хотя тогда он был занятием для состоятельных людей: лиц свободных профессий, служащих, инженеров, офицеров [29, с. 513–514].

В повседневную жизнь людей внедрились технические новшества, например, запатентованная в 1841 г. фотография. Впервые обычный, незнатный и сравнительно небогатый человек мог запечатлеть свой образ. Посещение фотоателье стало важным семейным событием. Непременным атрибутом домашнего интерьера стал семейный фотографический альбом. Собранные в нем фотографии увековечивали историю семьи, фиксируя семейные связи, браки, рождение, крещение и взросление детей. Потомки получили возможность познакомиться с обликом своих ушедших из жизни предков и незнакомых родственников. Уже в конце века в городские дома пришли граммофоны и граммофонные пластинки.

Разные слои горожан много свободного времени проводили вне дома. Одним из таких мест был паб, вход в который был открыт только для мужчин. Вместе с тем они имели возможность заняться более полезным делом в закрытых клубах. Например, рабочие клубы обычно имели библиотеку, читальную комнату, лекционный зал, помещения для общения и бесед, буфет. Членство в них было вполне доступным. Клубы предоставляли возможность для самообразования, чтения и дискуссий, организовывали лекции и театральные представления, проводили субботние и воскресные экскурсии. Отдельно создававшиеся женские клубы программу деятельности дополняли курсами рукоделия, кройки и шитья, бухгалтерского дела и т. п. Стали открываться кинотеатры. Европа и Америка покорились кинематографу. В 1908 г. в Великобритании насчитывалось 4 тыс. кинозалов [28, с. 349]. В 1917 г. половина населения Англии еженедельно посещала кинотеатры [19, с. 396]. Это были по большей части горожане, которые с 1871 г. преобладали в структуре населения этой страны [29, с. 422].

Города, особенно столицы, все более позиционировали себя в качестве центров культурной жизни. Они обзавелись репертуар-

ными драматическими и оперными театрами, для которых по специальным проектам были построены здания. Открыли свои двери для посетителей Британский музей (1753) и Национальная галерея (1824) в Лондоне, в котором, как и в других европейских столицах, регулярно проводили отражавшие искания времени международные и национальные художественные выставки. Города с богатой историей и культурным наследием, обзаведшиеся путеводителями на разных языках [16, 17], воспетые в литературе путешествий [1, 6, 21], становились главными пунктами паломничества туристов, открывавших для себя иные, неизвестные, удивительные городские пространства, культуры и их носителей.

Таким образом, под влиянием промышленной революции в Англии росло городское население, менялась его структура за счет роста числа рабочих. Последние в силу происхождения, отраслевой принадлежности, квалификации, производственных функций, уровня заработка образовывали сложную иерархизированную структуру, отдельные части которой находились в неодинаковом социальном положении. По мере разворачивания промышленной революции менялись условия их труда и быта, росла покупательная способность, улучшалось качество питания и жилищные условия. Происходили кардинальные перемены в образе жизни разных слоев горожан, более разнообразным становился досуг. Путешествия, занятия спортом, посещение кинотеатров, музеев, концертов и театров стали доступными для многих из тех, кто раньше не мог об этом и помышлять. Блага культуры становились достоянием все большего количества людей.

Происходившие под влиянием промышленной революции перемены открыли новые возможности для женщин. В то же время мигрировавшим в города сельским жителям приходилось ломать складывавшиеся веками традиции и стереотипы, приспособляться к иной среде обитания, непривычным условиям городского быта. Урбанизация сформировала тип горожанина, научившегося находить привлекательные черты в стиле жизни, отличавшейся от той, что была привычна человеку в деревне.

Литература и источники

1. *Боборыкин, П. Д.* Столицы мира: (тридцать лет воспоминаний) / П. Д. Боборыкин. – М. : Сфинкс, [1911]. – 516 с.
2. *Брандт, Б.* Современная женщина и ее положение в Западной Европе и в Америке / Б. Брандт // Русское богатство. – 1894. – № 4. – С. 225–262; № 5. – С. 137–165.
3. *Бризон, П.* История труда и трудящихся / П. Бризон ; пер. с франц. М. А. Дьяконова. – Петроград : Гос. изд-во, 1921. – 446, [1] с.
4. *Бродель, Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3. – 680 с.
5. *Брюсов, А. Я.* Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения / А. Я. Брюсов. – Л. : Прибой, 1926. – 125 с.
6. *Вадин, А.* Лондон. Заметки и впечатления / А. Вадин. – СПб. : Тип. С. Добродеева, 1883. – 168 с.
7. *Галеви, Э.* История Англии в эпоху империализма / Э. Галеви ; пер. с фр. под ред. и с предисл. Б. Вебера. – М. : Соцэкгиз, 1937. – XX, 408 с.
8. *Гоуард, Э.* Города будущего / Э. Гоуард ; пер. с англ. А. Ю. Блох. – СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1911. – XVIII, 177 с.
9. *Джонстон, У.* Англия в политическом, социальном и промышленном отношении в половине XIX века / У. Джонстон // Английский капитализм во второй половине XIX века. – М., 1925. – С. 44–48.
10. *История Европы с древнейших времен до наших дней* : в 8 т. / гл. редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) [и др.]. – М. : Наука, 1988–2000. – Т. 5. – 2000. – 667 с.
11. *Кулишер, И. М.* История экономического быта Западной Европы / И. М. Кулишер. – 8-е изд. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – Т. 2. – 450 с.
12. *Мижуев, П. Г.* Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке / П. Г. Мижуев. – Л. : Изд. «Время», 1925. – 100 с.
13. *Мижуев П. Г.* Как живут рабочие в Англии / П. Г. Мижуев // Вестник Европы. – 1910. – Кн. 2. – С. 83–104; Кн. 3. – С. 223–241.
14. *Мижуев, П. Г.* Как живут рабочие в Англии / П. Г. Мижуев. – Петроград : Ясный-Попов, 1917. – 48 с.
15. *Мижуев, П. Г.* Сады-города и жилищный вопрос в Англии / П. Г. Мижуев. – Петроград : Изд. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. – 496 с.
16. *Ненашев, А. П.* Путеводитель по Западной Европе / А. П. Ненашев. – 2-е изд., испр. – М. : Д. П. Ефимов, 1901. – XVI, 272, 32 с.
17. *Ненашев А. П.* Бельгия, Голландия и Лондон: С карт. ж. д. Бельгии, Голландии и юго-вост. части Англии и планами Брюсселя, Антверпена и Лондона. – М. : И. Кнебель, 1911. – 297 с.
18. *Ностиц, Г.* Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии: из общественной истории нашего времени / Г. Ностиц. – М. : К. Т. Солдатенков, 1902. – XX, 741 с.

19. *От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Зап. Европы с XV в. до 1980-х гг.* / Г. А. Дидерикс [и др.]. – М. : Рос. полит. энцикл., [1998]. – 428 с.
20. *Ротштейн, Ф. А.* Очерки по истории рабочего движения в Англии / Ф. А. Ротштейн. – 2-е изд. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – 344 с.
21. *Скальковский К.* Лондон и Париж / К. Скальковский // Новые путевые впечатления. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1889. – С. 135–164.
22. *Соболев, М.* Женский труд в народном хозяйстве XIX века / М. Соболев // Мир Божий. – 1901. – № 8. – С. 71–99.
23. *Соколов, А. В.* Лондон. – М. : Т-во И. Д. Сытина, 1911. – 187 с.
24. *Соколов, А. В.* Лондон // Англия и англичане / А. В. Соколов. – М. : Традиция ; Евролинц, 2004. – 276–363.
25. *Социальная структура Англии и распределение дохода между социальными группами в начале XX века // Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 : сб. документов по истории Нового времени / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель.* – М. : Высшая школа, 1989. – С. 145–146.
26. *Треvelyан, Дж. М.* Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / Дж. М. Треvelyан ; пер. с англ. А. А. Крушинской, К. Н. Татариновой. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 607 с.
27. *Хобсбаум, Э.* Век капитала, 1848–1875 / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. Т. Горайновой, В. Белоножко. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 476 с.
28. *Хобсбаум, Э.* Век империи, 1875–1914 / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. Е. С. Юрченко, В. П. Белоножко. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 540 с.
29. *Чикалов, Р. А.* Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918) / Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. – 2-е изд. – Минск : Высшая школа, 2013. – 685 с.
30. *Чикалова, И. Р.* Партии, профессиональные союзы, женские организации во Франции, Германии, Великобритании (1815–1914) / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 392 с.
31. *Чикалова, И. Р.* Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.) / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 413 с.
32. *Энгельс, Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам / Ф. Энгельс // Маркс, К. Избранные сочинения : в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Прогресс, 1984. – Т. 1. – С. 223–482.
33. *Booth, Ch.* Life & Labour of the People in London / Ch. Booth. – New York, 1889. – Vol. 1–2.
34. *Rowntree, S.* Poverty: A Study of Town Life / S. Rowntree. – 4th ed. – London : Macmillan, 1902. – 426 p.

**ENGLISH CITY IN THE EPOCH OF INDUSTRIAL REVOLUTION:
HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECT**

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank /
Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

The impact of the industrial revolution on social processes in the English urban society is shown. The picture of the life of an English city in the era of the industrial revolution in its historical and anthropological aspect is reconstructed by the published results of a survey of the life of the country's urban population, as well as empirical material available in scholarly writings of prominent British (Ch. Booth, E. Howard, W. Johnston, J. M. Trevelyan, S. Rowntree, E. Hobsbaum), French (P. Brizon, F. Braudel, E. Halevy), German (G. Nostitz, F. Engels), Russian (I. I. Kulisher, P. G. Mizuev, F. A. Rotshtein, M. Sobolev, K. Skalkovsky, A. V. Sokolov, and others) historians and sociologists.

Under the influence of the industrial revolution in England, the urban population grew, its structure changed due to an increase in the number of workers. The latter, by virtue of their origin, branch affiliation, qualification, production functions, level of earnings, formed a complex hierarchical structure, some parts of which were in unequal social position. As the industrial revolution unfolded, their working and living conditions changed, the purchasing power grew, the quality of food and housing conditions improved. There were cardinal changes in the way of life of citizens, leisure became more diverse. Travel, sports, going to cinemas, museums, concerts and theaters became available to many of those who previously could not even think about it. The benefits of culture have become the property of more and more people. The changes under the influence of the industrial revolution opened up new opportunities for women. At the same time, rural residents who migrated to the cities had to break down the centuries-old traditions and stereotypes, to adapt to a different habitat and the unusual conditions of urban life. Urbanization has formed the type of a city dweller, who has learned to find attractive features in a way of lifestyle that differed from the one that was familiar to a person in a village.

Key words: town, townspeople, England, industrial revolution, historical anthropology.

Поступила 21 декабря 2018 г.